

Олеся Кирчик

Johanna Bockman. Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. 352 p. ISBN: 978-0-8047-7566-3.

Олеся Кирчик. Адрес для переписки: ИГИТИ НИУ ВШЭ, ул. Петровка, 12, офис 302, Москва, 107031, Россия. okirchik@hse.ru.

В книге американского социолога Джоанны Бокман с интригующим названием «Рынки во имя социализма: левые истоки неолиберализма» реконструируются некоторые аспекты масштабной эволюции, связанной с падением социалистических режимов в Восточной Европе, с распадом советского блока и распространением капитализма по всему миру. Основную источниковую базу работы составили интервью с экономистами, которые автор брала в США, Италии, Югославии, Венгрии и других странах на протяжении 2000-х годов. О роли экономистов и экономических доктрин в процессе неолиберальных трансформаций в литературе говорилось неоднократно (см., например, Babb 2001; Markoff and Montecinos 1993; Mirowski and Plehwe 2009; Mitchell 2002 и другие работы), однако оригинальность замысла этой книги состоит в стремлении перевернуть прочно утвердившееся представление о тождестве рыночной экономики и капитализма, неоклассической экономики и неолиберализма. Автор напоминает, что в ходе истории рынок не был всегда однозначно противопоставлен социализму, а государственный социализм, как он сложился в СССР, – лишь одна из его возможных форм.

Чтобы проиллюстрировать данный тезис, Бокман обращается к более чем столетней истории развития неоклассической экономики (главы 1 и 2), составляющей ядро мейнстрима современной экономической науки. Сегодня неоклассическая парадигма однозначно ассоциируется с конкурентными рынками и с капитализмом, однако такое представление сложилось сравнительно поздно. С конца XIX века среди экономистов существовал консенсус, заключающийся в том, что неоклассические модели одинаково применимы к описанию рыночной экономики, где экономическое равновесие обреталось путем действия спонтанных рыночных сил, и социалистической системы, где параметры оптимального функционирования экономики были заданы планирующим органом, обладающим необходимым объемом экономической информации. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в период после Второй мировой войны экономисты из Восточной Европы (подобно советским экономистам в 1920-е годы) использовали неоклассические модели в качестве инструментов для построения социализма. В свою очередь, как пишет Бокман, западные неоклассические экономисты в своих моделях продолжают использовать понятие «общественного плановика» (social planner), а также другие концепты и инструменты, связанные с экономикой социализма.

Долгое время между неоклассикой и социализмом не существовало и идеологического противоречия. Еще в 1930-е годы (и в целом вплоть до Холодной войны)

в США и Великобритании многие неоклассические экономисты придерживались социалистических взглядов, и такое сочетание даже не проблематизировалось. Как показывает Бокман, отождествление неоклассики (маржинализма) и (нео)либерализма произошло сравнительно поздно в основном усилиями «консервативных» теоретиков (Фридрих фон Хайек, Милтон Фридман), которые свели все пространство вариантов до двух непримиримых позиций, представив социализм и рынок как полностью взаимоисключающие явления (с. 32–33).

Попутно автор стремится прояснить значение понятия «неолиберализм», которое в последние годы используется повсеместно и часто без четкого представления о его значении. Под «неолиберализмом» Бокман понимает набор идей о правильной организации рынков, предприятий, государств и населения, которые формируют определенный набор правительственных практик. Неолибералом можно считать всякого, кто безусловно поддерживает следующие четыре идеи: конкурентные рынки; компактное авторитарное государство; иерархически организованные фирмы (корпорации); капитализм (с. 4, 189). На деле эти идеи означают поддержку рыночной свободы (механизмов рыночной конкуренции) со стороны государства, которое сознательно ограничивает свое вмешательство в экономику, продвижение интересов крупного бизнеса в ущерб мелкому и свертывание социальных программ. Наиболее последовательным выражением такой позиции может служить экономическая политика Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана и ряда лидеров авторитарных режимов в развивающихся странах (прежде всего, Аугусто Пиночета). Таким образом, главная линия разрыва в этой истории проходит, согласно Бокман, не между рынком и социализмом, но между сторонниками иерархического авторитарного капитализма и всеми прочими.

Антиподом неолиберализма выступают прежде всего различные версии неавторитарного рыночного социализма (и либерализма), чьим идеалом являются децентрализация, автономия, преобладание небольших фирм и уменьшение неравенства. В главах 3 и 4 Бокман совершает увлекательный экскурс в историю югославского и венгерского экспериментов в области рыночного социализма, во многом инспирированных этими идеями. Приходится признать, что в России экономическая мысль стран-соседей по социалистическому блоку известна не слишком хорошо. Между тем, как напоминает Бокман, югославский опыт рабочего самоуправления на предприятиях в свое время вызвал немалый интерес у многих западных экономистов. Одновременно данный опыт широко обсуждался в кругах неавторитарных левых в Европе и во всем мире в качестве реальной альтернативы государственному социализму и капитализму. Впрочем, реальный экономический успех этого эксперимента все еще остается дискуссионным вопросом. Еще один эксперимент по созданию рыночного социализма был предпринят в Венгрии в форме децентрализованного кооперативного социализма. К слову, данный опыт обсуждался во время перестройки и в СССР.

Осознание необходимости рыночных реформ к моменту советской перестройки в Восточном блоке стало всеобщим. Однако, как справедливо напоминает Бокман, для многих в этот период речи не шло о реставрации капитализма. Большинство экономистов, общественных деятелей и политических лидеров в Восточ-

ной Европе во второй половине 1980-х годов предполагали, что целью реформ является улучшенный, рыночный социализм. Согласно одному из наиболее авторитетных восточноевропейских экономистов Яношу Корнаи, «рыночный социализм» должен был стать третьей и последней стадией развития социализма (с. 178). Вместе с тем понятия «рынок», «реформа» и пр. не имели в тот период единой общепринятой интерпретации. С целью проиллюстрировать неопределенность, характеризовавшую период начала реформ в Восточной Европе, Джоанна Бокман приводит следующий эпизод. В 1990 году югославский экономист Бранко Миланович, работавший в то время во Всемирном банке, сделал дарственную надпись, адресованную одному из наиболее известных проводников неолиберальных реформ («шоковой терапии») в Восточной Европе: «To Jeff Sachs, who is trying to save socialism», что вызвало у последнего неподдельное удивление (с. 180).

Последние две главы книги посвящены дискуссиям о рыночных реформах, сопровождавшим «неолиберальный переход» 1989 года, который стал возможен благодаря альянсу технократов, местных политических элит и транснациональных право-консервативных кругов. Более оригинальный (хотя, с точки зрения многих, и спорный) тезис книги состоит в том, что «переход к рынку» в Восточной Европе имел – по меньшей мере в теории – *не одно*, а несколько возможных направлений. Многие экономисты из стран соцблока, призывая к развитию рынков, имели при этом в виду реализацию той или иной версии демократического, децентрализованного социализма как более приемлемой альтернативы советскому центральному планированию. По иронии, критика системы экономистами, сыгравшая немаловажную роль в стремительном демонтаже «реального социализма», в условиях неопределенности была переписана (будучи при этом искажена) более радикальными «реформаторами», не видевшими иного выхода, кроме быстрого и полномасштабного перехода к капитализму. Распахнувшееся было окно возможностей вновь «съежилось» до узкой и безальтернативной «генеральной линии».

А что же неоклассические экономисты? Если верно, что большинство из них стали жертвами «кражи мысли» (подобно религиозным пророкам у Пьера Бурдьё (2005:65)), то тезис о «левых» корнях неолиберализма, кажется, не имеет под собой прочной опоры. Как показала Бокман, восточноевропейские экономисты на протяжении десятилетий участвовали в «транснациональном диалоге», объединявшем на базе широко понятой неоклассической экономики гетерогенных акторов, критиковавших как советский государственный социализм, так и западный капитализм. Что стало с этими акторами сегодня после того, как они исполнили свою «миссию» делегитимации центрального планирования? Умерла ли полностью мечта о рыночном социализме после 1989 года? Возможно ли возродить те пограничные пространства, в которых культивировались идеи «иногосударственного социализма» и «иногосударственного рынка»? Не давая прямых ответов на эти вопросы, Джоанна Бокман предполагает, что социалистические идеи продолжают *латентно* присутствовать в неолиберализме и в мейнстриме экономической науки. Пусть такой ответ не может удовлетворить вполне, само напоминание о существовании в недавнем прошлом *иных* мыслимых миров действует освежающе в условиях парализующего ощущения отсутствия альтернатив доминирующей экономико-политической парадигме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдьё, Пьер. 2005. «Генезис и структура поля религии». С. 7–74 в *Социальное пространство: поля и практики*, под ред. Натальи Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Babb, Sarah L. 2001. *Managing Mexico: Economists from Nationalism to Neoliberalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Markoff, John and Verónica Montecinos. 1993. "The Ubiquitous Rise of Economists." *Journal of Public Policy* 13:37–68.
- Mirowski, Philip and Dieter Plehwe, eds. 2009. *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mitchell, Timothy. 2002. *Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity*. Berkeley: University of California Press.